

Рыцарь возвращается с победой, принося с собой богатый улов.

Гу Ци сидел на брюшке Бархатного муравья, чувствуя себя как на иголках. Он теребил пальцы, ощущая волнение даже более сильное, чем когда-то в ожидании результатов экзаменов в военной академии. Хотя он был знаком с этими низшими насекомоподобными совсем недолго, они уже успели прочно обосноваться в его сердце. Ему нестерпимо хотелось самому облачиться в меха и отправиться в гущу того противостояния.

Возможно, Гу Ци уже давно был покорен их искренностью...

Искренность — всегда самое сильное оружие, и это правило работало даже в отношениях насекомоподобных с Гу Ци.

Он лишь надеялся, что они вернутся в целости и сохранности.

Как только прошли томительные десять минут ожидания, Гу Ци наконец уловил в воздухе знакомый частотный гул. Однако теперь он казался более тяжелым, чем прежде, и юноша встревоженно подумал: не ранены ли они?

Гу Ци задрал голову, глядя на вход в пещеру, и уже через несколько секунд увидел, как шатаясь, влетает золотисто-коричневый силуэт. Вслед за ним, ничуть не пострадавшие, показались Хайлань и Инши.

Камень, давивший на сердце, тут же свалился.

Впрочем...

— Хуанцзинь, это ты держишь ту гигантскую птицу?

— Вжух.

Резко усилившийся гул ударил Гу Ци по ушам. Прозрачные крылья пчелы мягко похлопали его по плечу — осторожно, чтобы лишь слегка качнуть тело черноволосого Матери Насекомых вперед.

Гу Ци погладил пушистый «воротник» этого большого золотисто-коричневого существа, внимательно его осматривая. Этот сияющий рыцарь по-прежнему был полон энергии, его усики торчали кверху, а на круглой голове из-за недавней стычки не хватало нескольких пушинок. Гу Ци своими бледными, тонкими пальцами поправил на Хуанцзине его «победный венец» и аккуратно пригладил меховой воротник, хотя на шее пчелы все же виднелась проплешина, которую, вероятно, выклевала птица.

— Хуанцзинь? Что случилось? — Гу Ци повернул голову и встретился взглядом с фасеточными глазами пчелы, не до конца понимая происходящее.

Пчела кивнула усиками, подтверждая слова Гу Ци.

Затем, словно освободившись от бремени, Хуанцзинь поспешно сбросил тушу гигантской птицы, которую до этого придерживал конечностями, и бережно, но крепко подхватил хрупкого Матеря Насекомых. И не только пчела — остальные низшие насекомоподобные, окружившие их, тоже с явным облегчением выдохнули.

Со стороны эта сцена наверняка показалась бы гротескной, но для Гу Ци, уже привыкшего к этим гигантам, объятия и поднятия на руки стали делом обыденным.

Внезапно он что-то вспомнил и указал на птицу, лежащую на земле:

— Большая птица с перьями?

— Отлично сработано! — похвалил он. — Эта маленькая отметина — медаль героя.

На конечностях Хайланиа и Инши лежало по два овальных птичьих яйца. Гу Ци, заметив знакомые пятна на скорлупе, внезапно прозрел:

— Значит, яйца, которые я съел раньше, принадлежали этой птице?

Гу Ци нисколько не смущал запах крови, исходивший от пчелы. Он гладил её пушистый воротник и открыто, с теплотой поцеловал Хуанцзиня в голову. Разумеется, Гу Ци, считавший себя мастером справедливости, поманил к себе Хайланиа и Инши, также одарив каждого из них поцелуем от Матери Насекомых.

Казалось, пчела осталась чем-то недовольна: она снова зажужжала, похлопывая крыльями по плечу юноши. Недовольный гул то нарастал, то стихал, наполняя уши Гу Ци шумом. В то же время пчела передними лапками указывала на птицу, а задней безжалостно топнула по её туше.

Маленький Матеря Насекомых, которого слегка прихлопнули крыльями, замер:

— Ты...

В их глазах Матеря Насекомых с его изящным телосложением был подобен детенышу, которому ежесекундно требовалась забота и защита. Или даже был еще более хрупким, чем детеныш.

— Хлюп.

Раздался звук, похожий на раздавливаемые плоть и кости — от этого у Гу Ци даже зубы заныли.

Раз уж они съели её яйца, неудивительно, что птица начала охоту...

Неизвестная гигантская птица, чей размах крыльев при жизни достигал пяти метров, сейчас превратилась в обмякшую тушу, словно из неё вынули все кости. Часть серо-коричневых перьев была вырвана в драке, из-за чего кончики крыльев выглядели облезлыми, и птица утратила свой былой грозный вид.

Хуанцзинь надавил еще сильнее, и раздался отчетливый хруст — по-видимому, сломалась птичья кость.

— Ну, в каком-то смысле мы первыми спровоцировали её, но... — Гу Ци изогнул губы в улыбке, внезапно оперся на руки и, приподняв бедра, спрыгнул с брюшка Бархатного муравья. — Теперь нужно посмотреть, что делать с этой пернатой тушей...

Гу Ци вдруг вспомнил, что недавно у озера назвал пчелу «большой штукой».

— О-о, так это одно из твоих любимых прозвищ? Но у тебя же уже есть Хуанцзинь... Ай! — молодой Матерь Насекомых, попытавшийся возразить, закономерно получил легкий шлепок прозрачным крылом и поспешил поднять руки в знак капитуляции. — Ладно, ладно, это прозвище теперь тоже твое.

Раздалось жужжание, полное довольства.

Гу Ци, посмеиваясь про себя, под присмотром пчелы осторожно опустился на землю, устланную крупными листьями. Несколько слоев плотных листьев идеально сглаживали неровности почвы и острые камни.

Туша птицы была огромной, она занимала почти весь вход в пещеру. Гу Ци с невозмутимым видом ощупал её кости. Почувствовав переломы крыльев и грудины, а также осколки костей под кожей, он вновь переосмыслил боевую мощь низших насекомоподобных — вернее, боевую мощь самой пчелы.

Он видел, что Хуанцзинь, будучи вожаком, значительно превосходит остальных.

Отбросив лишние мысли, Гу Ци сосредоточился на работе. Он начал выщипывать беспорядочно торчащие перья, и вскоре рядом выросла целая гора. Вдруг он поднял взгляд на Орхидейного богомола в стороне:

— Орхидея, думаю, мне понадобится твоя помощь.

Орхидейный богомол, чья высота достигала нескольких метров, сейчас вел себя послушно, словно домашний щенок. Он подошел, склонив конечности, и замер в ожидании приказа.

— Твои передние лапы — лезвия. Помоги мне.

По сравнению с ним Гу Ци выглядел до смешного маленьким. Он ухватился за верхнюю часть тупого лезвия Орхидеи и прижал его к впалой груди птицы. Лезвие опустилось, легко прорезав плоть. Преодолев первоначальную неловкость, Гу Ци быстро освоился с этим инструментом, который был длиннее его собственного хвоста, и работа по разделке туши пошла быстрее.

Спустя полчаса красное мясо и кости цвета слоновой кости были полностью разделены. Видимо, из-за того, что птица много летала, её мясо было жестким и волокнистым. Гу Ци старательно нарезал его длинными полосками и раскладывал на чистых листьях.

Он хотел засушить мяса впрок, а эта пещера подходила для сушки как нельзя лучше: здесь было прохладно, сухо и чисто.

Гу Ци методично выполнял свою работу, а низшие насекомоподобные молча наблюдали за ним. Действия маленького Матери Насекомых казались им странными, но раз он этого хотел, они сделают всё возможное, чтобы помочь.

Перья птицы были крупными и длинными. Гу Ци отряхнул с них пыль, протер мягкими темно-зелеными листьями и удалил пух. Жесткие стержни перьев, которые он держал в руках, идеально подходили на роль каркаса для сушки мяса.

— Хуанцзинь, помоги мне их повесить.

Мясо, очищенное от лишнего жира, вскоре развесили у входа в пещеру, но этого было недостаточно. Пока он не знал, как покинуть эту планету, пещера оставалась его домом, и ради собственного удобства он обязан был улучшить условия жизни.

— Мне нужно еще всё: сухие листья, ветки, палки, или что-то новое — например, плоские камни, плиты, куски породы. — Гу Ци посмотрел на пчелу, та перевела взгляд на Хайланя, стоявшего поодаль. Синяя бабочка Морфо, получив важное задание, повела за собой группу собратьев наружу.

Низшие насекомоподобные были сейчас самой удобной рабочей силой, которую только можно пожелать. Через десять с лишним минут они вернулись, принеся с собой разные «находки», которые в той или иной степени отвечали нуждам Гу Ци.

Юный черноволосый Матерь Насекомых сидел на мягких листьях, разбирая принесенную

«ветошь»:

Сухие деревяшки сложили в стопку в сухом углу пещеры с помощью Бархатного муравья; из черно-коричневых речных ракушек вычистили внутренности, оставив пустые чистые створки в качестве посуды; серые плиты и камни сложили в подобие стола; из длинных гибких стеблей травы сплели веревки, которыми он перевязал широкие листья, создав некое подобие одежды, чтобы прикрыться.

Убедившись, что насекомые заняты, черноволосый Матерь Насекомых опустил взгляд и приподнял импровизированную одежду.

Телесно-розовый хвост был мягким и гладким, словно чешуя рыбы без острых граней. От кожи исходил тонкий медовый аромат, а сама она была покрыта едва заметным градиентом, словно натертая воском. Лишь на пояснице, там, где линия живота переходила в изгиб, начинались едва уловимые изменения.

Щель длиной в полпальца, цвета смеси кораллового и персикового, светлая снаружи и глубокая внутри, походила на распустившуюся розу, спрятанную под животом, и, подобно хвосту, была нечеловеческой чертой.

В этом была какая-то хрупкая красота.

Гу Ци прикрыл грудь и живот большими листьями, связанными травой, но ткань была крайне ненадежной — ему приходилось постоянно следить, чтобы она не порвалась. Залатав пальцами очередной крошечный разрыв, он невольно вздохнул:

— Вот бы здесь были насекомые, которые плетут шелк.

Паутина низших насекомоподобных была бы куда полезнее, чем эти трудно поддающиеся обработке стебли.

Пчела дернула усиками и склонила голову, глядя на Бархатного муравья. Тот, покрытый красно-черным пухом, тоже качнул усиками, и, пока Матерь Насекомых не видел, между ними состоялся безмолвный «зашифрованный» разговор.

Не заметив этого, черноволосый юноша снова позволил пчеле подхватить себя передними лапками. Их прошлая вылазка прервалась на середине, что мешало исследованию этой странной планеты, поэтому в этот раз он решил взять с собой побольше «помощников».

Огромная процессия низших насекомоподобных послушно двинулась следом, оставив в пещере лишь пару стражников. Остальные, летя или ползя, следовали за Хуанцзином, добровольно становясь рабочей силой для своего маленького господина.

Черноволосый юноша внимательно оглядывал всё вокруг, пытаясь найти то, что могло бы улучшить качество его жизни...

Для выживания в дикой природе Гу Ци не хватало еще очень многого, но время было ограничено, а его собственные возможности передвижения — стеснены. Поэтому эта «экспедиция по сбору мусора» не могла длиться долго.

А тем временем Бархатный муравей, получив «команду» от пчелы, направился в самую чащу леса, в темные подземные норы, чтобы отыскать для Матери Насекомых то, что ему было нужно.

Казалось, всё шло по четко выверенному плану.

<http://bllate.org/book/21239/2148740>